

*Моим детям, которые проложили нам дорогу.
И которым предстоит жить в мире без границ —
и без родины*

— Предупреждение о безответственности

Эти зарисовки называются «Лондон. Дневник новичка». Это записки о переезде и первых впечатлениях «оле хадаш»* в столице Британской империи — от имени нового иммигранта, и на уровне его понимания происходящего вокруг.

Важно понимать, что они ни в коем случае не претендуют ни на точность, ни на полноту, ни на достоверность описания Лондона, а всего лишь отражают увиденное, прочувствованное и пережитое в первые 18 месяцев, с момента, когда нога автора ступила на британскую землю, впервые не сопровождаемая обратным билетом.

Эти записки нельзя использовать как путеводитель по Лондону или инструкцию по обустройству в Британии. Практическая ценность их близка к нулю, и люби-

* «Оле хадаш» — в переводе с иврита означает «только что совершивший восхождение», в практическом смысле — «новый иммигрант». (Здесь и далее — прим. автора.)

телям «пользы», наверное, не стоит даже пытаться их читать — чтобы не разочароваться ни в книге, ни в авторе.

Возможно, эта книга будет интересна любителям получать поверхностные впечатления — тем, кому любопытно, что чувствуют и о чем думают другие, тем, кто умеет поставить себя на место автора и поиграть в древнюю игру в ощущения, людям, которые как и автор, проходят или недавно прошли свое «восхождение». Своеобразный способ почувствовать себя менее одиноким и утешиться.

— Благодарности

Эта книга появилась достаточно случайно и в первую очередь благодаря подписчикам в Фейсбуке, которые живо отреагировали на мои первые посты о переезде; и конечно — благодаря Ольге Ро и издательству АСТ, которые по неведомой мне причине решили эту книгу издать — спасибо им всем.

Разумеется, этой книги не было бы, если бы мы с женой и сыном не переехали в Лондон в августе 2020 года. Переехали мы потому что хотели и потому что могли.

Хотели — благодаря бесчисленным усилиям российских властей; я понимаю, что направлены эти усилия были вовсе не на то, чтобы выгнать меня из России (более того, ко мне лично российская власть всегда относилась нейтрально-положительно), но тем не менее не могу обойти российского президента, правительство, депутатов Думы своей благодарностью: были бы они другими, и книги этой не было бы.

Могли мы в основном благодаря наличию у нас кипрского гражданства; граждане ЕС могли въехать на территорию Великобритании до середины 2021 года и остаться здесь жить «в уведомительном

порядке». Наше кипрское гражданство случилось достаточно случайно (простите за каламбур), фактически решение о нем было принято за ланчем в ресторане «Пушкин» осенним днем 2014 года, когда призрак большой войны еще висел над страной, а иностранные экономисты интересовались, сколько месяцев осталось существовать российской экономике. Идею мне подал мой хороший друг (а тогда — новый знакомый) Андрей Мануковский, владелец «Сотбис Риелти». Спасибо ему за идею и за помощь в ее осуществлении — и немножко за эту книгу (так причудливы повороты судьбы, что иногда книга о Лондоне начинается с идеи о Кипре).

Мы приехали в Лондон не на «пустое место»: за год до нас сюда переехала наша дочь Полина с мужем Гораном и маленькой дочкой Наткой. Они были нашим передовым отрядом, захватившим крохотный плацдарм на Ваймеринг-роуд, укрепившимся на нем и организовавшим походную логистику — мы высаживались с их огневой поддержкой и развивали успех операции совместно. Спасибо им — приятно, когда твои дети идут впереди тебя.

Мы ехали в Лондон, зная, что у нас в этом городе есть близкие люди — благодаря нашим давним друзьям Тому и Джорджине Дево. Если бы все лондонцы были такими, как Том и Джорджина (искрометно умными, обаятельно скромными, мягко ироничными, теплыми и отзывчивыми, очень-очень английскими, но при этом свободно говорящими по-русски), Лондон был бы раем на Земле. Огромное спасибо Тому и Джорджине, их детям — красавице Зои и маленькому благородному Тео, за прекрасные часы, проведенные вместе, мудрые советы и ощущение, что в новом городе у тебя есть на кого опереться.

В Лондоне, прямо как это бывает в Израиле, мы моментально попали в заботливые руки местных русскоязычных жителей, граждан «Пензы на Темзе». Искреннее и активное стремление помочь, посоветовать, разделить сомнения и печали, развлечь — этим встретили нас русскоязычные бизнесмены, врачи, юристы, художники и просто хорошие люди. Огромное спасибо: Игорю и Любе Галкиным — гостеприимным, теплым, мудрым — и за нас, и за всех читателей «Зимы», посетителей мероприятий, заказчиков сырников в их чудесном ресторане; Наташе и Игорю Цукановым — спонсорам и промоутерам искусства, умным и профессиональным коллегам, всегда готовым прийти на помощь советом и делом; Сереже Булатову — моему старому товарищу по оружию и лучшему хедхантеру в мире; Дмитрию Заполю — великому юристу и прекрасному человеку; Наталье Штрайн — помощи которой в устройстве детей в школы невозможно переоценить; Виктору Балагадде — который хотя и не успел поучаствовать в нашей релокации, но снабдил нас множеством важных советов; Алене Мучинской за ее неподражаемое чувство юмора и житейскую мудрость; Маше Галактионовой — лучшему в мире агенту по недвижимости, и многим-многим другим. Я искренне надеюсь, что не упомянутые в списке наши друзья и знакомые в Лондоне простят меня за это; в конце концов, книга пишется для читателей и ее нельзя превращать в справочник «Лучшие люди Лондона».

И конечно, самая большая благодарность (за все, включая появление этой книги) — моей жене Ольге. Именно с ней в конечном итоге мы выстаивали во время продолжающейся уже 18 месяцев и не законченной осады и захвата Лондона — плечом к плечу, в любую погоду, по колено в бюрократических проблемах, под шквалом чужого языка, на узких улочках местных зако-

нов, манер и традиций, уставшие до полусмерти от позиционных боев, иногда переходящих в оборонительные. Если бы не ее здравый смысл, многое было бы сделано намного хуже, чем реально получилось; если бы не поддержка Ольги — многого бы не было сделано мной; если бы не она — многое вообще не было бы сделано, в том числе эта книга. Моя жена даже написала главу в эту книгу — про культурную жизнь Лондона (сам я человек от культуры далекий, классический «инженер», пришлось попросить о помощи). Спасибо!

Наконец, спасибо тем, кто прочитает эту книгу. В наше время колоссального переизбытка информации, когда главной задачей становится не найти ее, а от нее избавиться, печатный формат (в отличие от короткого видео) остался уделом консерваторов, стариков и фриков. Да и те все больше предпочитают короткие тексты, твиты, и желательно чтобы в них содержалась безапелляционная правда — коротко и ясно. Прилагательные уходят в прошлое, существительные уступают место числительным. В этих реалиях прочесть длинную книгу ни о чем — достижение сродни проведению вечера без электричества — с керосиновой лампой и дровяным камином вместо отопления: это может быть «по фану» (как говорит мой сын) разок-другой, но нельзя же все-ррез! И тем не менее, если удовольствие читать длинные тексты умирает, то удовольствие их писать и верить, что они будут прочитаны, пока живет. Спасибо — благодаря вам я могу доставить себе такое удовольствие.

Глава 1

Введение

16 августа 2020 года, в самый разгар карантинных, проведя почти полгода безвылазно на даче в Подмоскowie, мы с женой и сыном сели на самолет до Лондона. В столице нас ждала одна из дочерей, там уже обосновавшаяся (через полгода к нам присоединится вторая — прилетит из США получать PhD в Лондоне) и дом, снятый в тихом центральном районе города, недалеко от вокзала Паддингтон. Мы везли шесть чемоданов; параллельно огромное количество коробок и даже какая-то мебель ехала в Лондон неизвестными нам путями, перевозимая профессиональной компанией. У нас не было обратных билетов, да и по тем временам их невозможно было иметь.

«Ну, тепер я спокоен за свои инвестиции», — написал мне один из клиентов (а думают так многие, я знаю).

«Мы вырвались из России!» — выдохнул мой сын, пройдя границу в Хитроу (через год он скажет: «Как же я хочу в Москву!»).

Ну, не вырвались, конечно. С одной стороны — что же это за «вырвались», если никто нас не останавливал и ничего, кроме отсутствия миндального молока в «Кофемании» нам не угрожало. С другой — можно вывести Дуньку из России, но Россию из Дуньки — намного сложнее: я читаю и буду читать российские новости, работать с клиентами из России, говорить дома на родном языке, писать для русскоязычных и переживать по поводу событий в России. «Раньше у тебя был один Израиль, теперь будет два», — сказал мне мудрый старый еврей.

Итак, мы уже полтора года в Лондоне. За эти полтора года мы пережили местные локдауны; провели зиму на Кипре; дважды побывали в Москве в командировках; обзавелись машиной и купили дом; получили множество регистраций; завели знакомства — в общем, почти освоились. Предвидя вопросы, попробую сразу дать ответы на FAQ.

Я не знаю навсегда или нет; переезд сегодня перестал быть решением жизни и стал периодической рутинной. Пока выглядит как «навсегда», но я знаю, что лучший способ насмешить Бога — это рассказать ему о своих планах.

Да, конечно, с Россией, Москвой, друзьями и знакомыми связи остаются; кончится вирус — я буду приезжать почти каждый месяц; но даже и не дожидаясь его конца, я приезжаю в Москву раз в три месяца на неделю.

Я люблю и Москву, и Россию, но странную любовью, совсем как Лермонтов; более того, «славу, купленную кровью и темной старины заветные преданья» я просто ненавижу, а уж на «страну рабов — страну господ» я насмотрелся до тошноты, вполне себе сходя за «господина», что, пожалуй, даже еще хуже.

Я люблю русский язык — хуже того, я на нем пишу и выступаю, я умею им пользоваться и (как опытный фехтовальщик любит выделять трюки своим оружием на глазах у публики) я люблю играть с языком, пробовать его возможности, достраивать и редуцировать, раскрывать и скрывать, мимикрировать речь под разные времена и сословия — по-русски, ибо никаким другим языком не владею в такой степени. Английский, благодаря знанию которого меня в Великобритании принимают то за австралийца, то за южноафриканца, для меня не более чем дубина — примитивное, эффективное в простых случаях оружие; русский для меня — как швейцарский военный нож: я могу им решить любую задачу (и даже если нужно — пырнуть в бок).

Я люблю московских людей (тех, которых люблю). Полбеда в том, что уезжают они из России. Беда — в том, что едут они в самые разные точки Земли. Моя сестра живет в Германии; брат жены — во Франции; наши ближайшие друзья — кто в Израиле, кто в США, кто на Кипре. Мои коллеги и партнеры растеклись по Европе. Их больше не собрать вместе, как это было в Москве — разве что на юбилей или похороны, но с последними я подожду.

Я обожаю русскую природу. Нет, я не Пришвин и даже не Тургенев, мне не приходилось с двустовкой бродить по заливным лугам в сопровождении спаниеля, высматривая за камышами темных озер не взлетит ли утка. Но детство мое прошло в Измайловском лесу, и я всю жизнь буду помнить запах летней травы — в полдень жесткий, с горчинкой подгорелого листа, а в сумерках — пряный, насыщенный чарами «ночной красавицы», густо покрывшей своими кустами овраги под линиями электропередач, дававшие приют

недоречкам, питающим Серебрянку. Мне никогда уже не чувствовать этого запаха (не надо было курить так много в молодости!), но в моей памяти он живет где-то между ячейками «детство» и «счастье».

Я люблю Москву с ее азиатской подачей европейской архитектуры, пышностью колониальной столицы и удивительной способностью «прорасти сквозь плитку»: создавать прекрасные, эффективные, добрые вещи везде, куда не дотягивается прокаженная рука начальственной бюрократии, а в последние годы — даже там, куда она все-таки дотягивается.

Да, мой бизнес никак не меняется. Что онлайн в карантине, что в Лондоне, я остаюсь CEO «pro-bono» и совладельцем нашей группы. Мы привыкли работать из разных офисов (Кипр, Кайманы, Москва, теперь еще и Казахстан, а с 2022 года добавился Лондон). Я остаюсь на связи, мои контакты не меняются, только появился лондонский телефон (московский тоже работает, и Ватсап тот же). Найти меня так же легко, как и раньше.

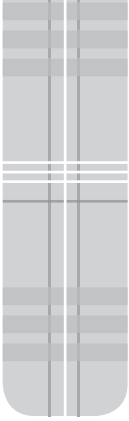
Конечно, в Лондоне мы новички (я езжу сюда с 1996 года, но никогда не жил долго), и мы рады как напутствиям и советам, так и попить кофе с разговорами на террасах (здесь террасы ресторанов работают круглый год), тем более что мы живем в Мэйда-Вейл, у нас тут море отличных кафе, а если что — 15 минут до Марилебона или Сент-Джонс-Вуд.

Итак, мы живем в Лондоне. Отсидев карантин и включившись в жизнь, изучаем мир вокруг, планируем, наталкиваемся на неожиданности. Зная все детали московской жизни и умевшие все лучшим образом, мы попали на другую планету. Здесь все ходят на головах, едят ушами и здороваются локтями (последнее, кстати, не преувеличение, здесь все теперь здоро-

ваются локтями из-за вируса). Мы как Садко попали в подводное царство.

Общеизвестно, что в любой непонятной ситуации каждый делает то, что умеет. Садко играл на гусях. Я же лучше всего умею писать. Поэтому я решил, что буду записывать свои наблюдения о процессе переезда и адаптации, а заодно (и в первую очередь) свои впечатления и получаемые знания о жизни в Лондоне: взгляд новичка иногда интереснее профессиональных наблюдений замыленным глазом, а вопросы, которые я задаю сейчас, вряд ли придут в голову старожилам (случайно написалось «старожидам», и подумалось: «ну этим-то в голову придут еще и не такие вопросы!» Мы живем недалеко от синагоги, в окрестностях их еще три, и я пока не понял, что это для меня значит).

Так что welcome to London diary.

Глава 2

Почему

В Московском университете меня учили: «Перед тем, как рассказывать “как”, расскажи “почему”». И не зря: «почему» часто трудно определить, но, как правило, очень полезно.

Почему мы уехали в Англию? То есть — почему уехали и почему в Англию, а не скажем в Таиланд или Оклахому?

Ответ будет длинным, но начну я его, как водится у нас, евреев, с вопроса: «А что такого?»

Вопрос «почему уехали» в русской оседлой культуре имеет метафизическое звучание. Привязанность к земле в России сродни сексуально-семейной и настолько же патриархальна (только в вопросе отъезда мужскую функцию выполняет государство, а женскую — его обитатели). Вопрос «почему уехал» в России настолько же сакраментален и обвинителен, насколько вопрос «почему дала» в традиционной культуре: и то и то можно

оправдать либо высшими мотивами (большая любовь, большой страх или большие деньги, в России большая любовь к большим деньгам не осуждается), либо откровенным распутством (да что с нее взять!). Отъезд может быть либо «замуж», либо — за колбасой (помните «колбасную» эмиграцию 90-х?), либо — формой побега (обменяли хулигана на Луиса Корвалана — это хорошо, бегство братков или, например, президента «Банка Москвы» — это плохо, но и то, и то, и то — бегство), либо — предательством, изменой, грязной низостью продажного наймита англосаксов.

Попадая в Англию, немедленно сталкиваешься с культурой территориального промискуитета. Здесь большинство либо приехало, либо собирается уехать. Уезжают многие: в Европу, Австралию, Индию и Индокитай, в Африку (в ЮАР в основном) или в Китай. «Почему», как и «почему дала» здесь имеет простой и очевидный ответ, не предполагающий стыда или драмы: потому что захотелось. Едут поменять места; туда, где работа интереснее; где климат лучше; где ниже налоги; в поисках интересной культуры.

В этом смысле мои ответы тоже будут «английскими». Почему мы уехали? Потому что захотели. А захотели мы по многим причинам.

Во-первых (не в порядке важности, тут сложно приоритизировать), в России с каждым годом становится все более душно. Не то чтобы именно мы задохнулись (мы могли себе позволить и внутреннюю эмиграцию), но общее ощущение спертости воздуха, висящего в нем угара, не оставляло уже давно. Это и устаревшие нормы выхлопных газов и выбросов, московский воздух, которым становится трудно дышать несколько дней после прилета из-за границы, газопылевое гало, висящее над

городом и хорошо видимое с окрестных холмов. Это и новостные ленты (о, какое счастье больше не читать поток информации о том, кого еще посадили и с кем еще мы поссорились!), и уличные рекламные щиты («Парк Патриот», «XYZ лет победы», «танковый биатлон»), и доносящиеся отголосками от знакомых или из новостной ленты безумные агрессивные высказывания сановников, и ток-шоу-срачи, которые смотрит старшее поколение. Стандарты коммуникации (там, где в России пишут: «предупреждаем о уголовной ответственности за неуплату налогов», в Англии написано: «спасибо, что вы платите налоги»). Это еще не массовый ужас (все пока достаточно мило, если не делать бизнес или политику, а жертвы режима воспринимаются как редкие неудачники без примеривания на себя их участи), но это — запах будущего ужаса, который в России уже случался и очевидно еще случится в обозримом будущем.

Во-вторых, Россия все больше становится колонией (внутренней, если хотите), а Москва по мере того, как амбиции метрополии у нее все сильнее, все больше напоминает столицу колонии — этакий Бомбей времен колониальной Индии. Это удобно, иногда роскошно и часто забавно, но никогда — всерьез. Всерьез — где-то в другом месте. В Москве можно либо зарабатывать с теми, кто у власти, либо им прислуживать, либо вести бизнес маленький и нестабильный. Остальные виды бизнеса сравнительно с аналогами в других странах убыточны или немасштабируемы (что не мешает делать их с прибылью для себя, но так или иначе надо сбежать за границу, пока убытки, которые ты перевесил на государство или партнеров, не начали взыскивать), либо ведутся так или иначе вне России.

В-третьих, я уже давно владею бизнесом, работающим глобально, и мне все больше требовалось быть

там, где вещи происходят, а не там, где макропроцессы слышны только далеким эхо. Лондон — финансовая столица мира. Если претендовать на эффективную работу в финансах, надо иметь возможность общаться с теми, кто их «делает» не с далекой окраины галактики, а на месте.

В-четвертых, с точки зрения культуры и искусства Лондон — сердце мира. Театры, музеи, концертные залы, учебные программы не сравнимы с московскими при всем московском разнообразии. Это, кстати, одна из причин почему, уезжая из России, мы не ехали на любимый нами Кипр или юг Испании. Одна, но не единственная: в Испании — налоги, на Кипре — нет университетов.

В-пятых, на бизнесе свет клином не сошелся. Мои дети не собираются делать бизнес — они пошли в мать, заняты медициной и наукой. Ни того, ни другого в России толком не осталось (и не надо мне рассказывать, я знаю, да и дети мои уже на практике имели возможность сравнить). Никто из моих детей не собирается возвращаться — собрать семью в России не получится, а в Англии можно попробовать. Моему младшему надо учиться в школе. Смотреть на то, во что превращается российская школа, с учителями, погрязшими в навязанной бюрократии, с бесконечной угрозой введения религиозного воспитания и требованием «растить патриотов», я больше не хочу и сыну не дам. Частные школы еще местами сохраняют неплохую атмосферу, но по сравнению с хорошими школами в Англии это все равно даже не XX, а XIX век. То, что я вижу в английской программе, несравнимо более современно, адекватно, эффективно. Да и networking, который здесь очевиден и включает детей из самых разных культур, в Москве не приветствуется и лишен разнообразия.

В-шестых, как метко сказал один мой знакомый: «Это не мы уезжаем, это Россия из-под нас уезжает». В России мало кто остался из моих друзей и знакомых. В последние годы стало очень трудно идти против рожна, тем более Европа такая маленькая — от Лондона до Брюсселя на поезде 1,5 часа, с друзьями из Германии можно встретиться погулять по Голландии, билет на самолет поперек Европы — 15 евро. Все-таки размеры России играют против тебя.

В-седьмых, как это ни смешно, но я устал от того, что цветной телевизор у меня в окне работает только три месяца в году, а девять месяцев там черно-бело. Здесь, в Лондоне, зелень — круглый год, улицы чистые (после дождя не надо мыть машину), даже в январе по зеленой траве парков местные гуляют в пиджаках (только надевают шарф). В Лондоне можно здорово гулять по городу двенадцать месяцев в году. В Москве либо грязно, либо душно, либо холодно, а часто «два из трех». Здесь я живу в 45 минутах неспешным шагом от центра и почти никогда не езжу — все время хожу, за день делаю более 20 000 шагов. В Москве идти в центр мне бы не пришло в голову.

В-восьмых — и это уже прагматические соображения, Англия создала достаточно уникальный режим налогообложения для таких как я: собственно, я могу много лет не платить налогов с доходов, если я не ввожу их на территорию Великобритании. В России у меня такой возможности нет (как нет ее и у тех, кто мог бы так же въехать в Россию — я считаю это большим упущением российских властей); в Лондоне дорогая недвижимость, но, оставаясь в России, я отдал бы больше налогами, даже по новому льготному «пятимиллионному» правилу. Не то что бы Англия не хотела собирать налоги; просто она хочет привлечь тех, кто обеспечит потребление

и создаст налогоплательщиков в следующих поколениях. Так эмигрантами укрепляется общество.

Если этих ответов недостаточно, боюсь придется дать еще один. Нам просто нравится Лондон — старомодный, трудный, безумный, эксцентричный и эклектичный и вместе с тем очень «свой». Мы его любим. Возможно, это — самый честный ответ (и в «русском» смысле вопроса тоже). Возможно, поэтому мы так легко в него выбрались: но как мы выбирались — тема следующей главы.

Глава 3

Переезд во время короны

Переезд в Англию во время коронавируса практически не отличается от переезда в старые добрые времена. Я не могу похвастаться ни закрытыми границами, ни кошмаром аэропорта, ни спецпроверками. В августе перелеты в Великобританию уже были открыты, и мы рутинно купили билеты на шестнадцатое число (их было много, бизнес-класс был неполон, в экономе, кажется, было занято не более половины мест).

Весной и в начале лета, когда мы уже точно знали, что до 1 сентября надо будет попасть в Лондон, мы не торопились договариваться с одной из старейших авиакомпаний мира, хотя билеты призывно продавались. Граница была закрыта, Аэрофлот продавал и отменял, в семье сумрачно обсуждались варианты побега (обычно я наливал себе скотча, а Ольга — коньяка), высказывались версии: зафрахтовать яхту в Питере

и уйти через Балтийское море; ехать на машине через Белоруссию; перейти границу с Финляндией по лесу... Все обошлось.

У тех, кто торопился и покупал билеты, жизнь сложилась не так гладко. В начале августа Аэрофлот начал летать в Лондон, но не перестал отменять рейсы — расписание изменилось, и, пока мы радостно готовились к вылету, наши друзья получали эсэмэски об отмене билетов и загадочном предложении «получить ваучер».

Для нас перелет отличался от обычного лишь отсутствием онлайн-регистрации и необходимостью за 48 часов заполнить анкету на британском правительственном сайте (на пяти страницах мы подробно написали, где будем жить и давали клятву отсидеть карантин; вообще взаимодействие с британским правительством стоит отдельной главы. Если же коротко — это очень удобно и одновременно невероятно сложно). Аэропорт был полупустой, на табло: Анталия, Измир, Стамбул (по 5–7 рейсов) и грустный одинокий Лондон. Дьюти-фри и рестораны в Шереметьево работали как обычно (вирус? — не слышали); маски — по желанию (то есть кто-то в, кто-то — без). Официанты и продавцы вызвали странное ощущение гуманоидов, у которых нос и рот — для украшения, и их можно выставлять напоказ, а на подбородке расположено дыхательное отверстие, и вот его-то и надо прикрыть, дабы никого не заразить. Сотрудник Аэрофлота на посадке (маленький мужичонка с круглым лицом, в темно-синей «аэрофлотовской» форме) был вообще без маски. На мой вопрос: «А что случилось с вашей маской?» он досадливо ответил: «А, херня это все».

Забегая вперед, скажу, что маски, как мне кажется, становятся в новом мире чем-то вроде антишляпы.

В Лондоне маску надевают, заходя в помещение, и снимают, выходя на улицу (кроме японцев и китайцев — те не снимают; но не все, конечно, и здесь есть люди без масок). При встрече ее приспускают, говорят: «Хай!» и натягивают снова. Простые люди носят простые маски — одноразовые, медицинские. Хипстеры носят дизайнерские с рисунком или надписями. Серьезные люди — черные из хорошей ткани, часто — с клапанами. Маски лежат на витринах самых серьезных дизайнерских брендов. Без нее в публичном помещении — неприлично. Предложить снять маску в помещении — выказать доверие. Со своими их не носят.

В самолете же маски прямо заменили шляпы. Полсалона были в масках, половина — нет. Даже те, кто сидел в масках и ожесточенно протирал поручни и спинки пахнущим самогоном спиртом, получив завтрак, снимали маски, и только половина надела их после. Для стюардесс маска стала чем-то вроде предмета сексуальной одежды. Они ходили строго и элегантно в своих масках, кроме моментов, когда они говорили с пассажирами. После взлета одна из них как обычно подошла ко мне, присела у кресла, кокетливо сняла маску, придвинув лицо ко мне на расстояние русской социальной дистанции — сантиметров двадцать — и нежно спросила: «Как я могу к вам обращаться?», подарив мне запах духов и тепло дыхания. «Нежно», — хотел сказать я, но не решился. Узнав, что я буду на завтрак омлет и не хочу ничего спиртного, она улыбнулась, встала, аккуратно надела маску и пошла дальше.

Лондон встретил нас солнечной погодой (весь август погода была одна и та же — солнце, перемежаемое короткими дождями раза два в неделю и 20 градусов)

и полупустым аэропортом. Пограничная служба в лице индуса в большой черной чалме не выразила интереса к тому, где мы будем проходить изоляцию (собственно, никакого интереса к нам не выказали и контрольные службы — никто не проверял, что мы отсидели дома две недели). Тем не менее изоляцию мы отсидели честно — я хотел с самого начала чтить законодательство в деталях (увы, не получилось, прокол случился на вывозе мусора).

Машину мы заказали заранее, получив рекомендацию типа «хорошие ребята, правда армяне». И то и другое оправдалось на 100%. За три дня я позвонил Армену (а как же еще?): «Здравствуйте, я от Гагика, он сказал, что у вас можно заказать такси». «Э-э, здравствуйтэ, а какого Гагика, э?» — «Такого-то». — «Э-э, а-а, да, конечно, можно, э-э, ви когда прылэтаетэ?»

Армен приехал вовремя, но мы прилетели на 40 минут раньше (Хитроу по старинке закладывался на пяток кругов перед посадкой, но по причине малого количества самолетов мы вообще не кружили), и эти минуты мы, проскочив границу без очереди, рассматривали потоки закрытых масками лиц разных национальностей. Вдруг в поток ворвалось одно запыхавшееся круглое носатое лицо без признаков маски — ошибиться было невозможно.

«Слюшай, э-э, я взял большая машина утром чтобы ехать вас встречать, виехал на дорогу, проехал пять миль только, и она сломалась, да! Я тагда пазванил брату и гаварю, Гурген, слюшай, тут клиент приезжает, очень срочно, знаешь, надо, я взял большая машина у них очень много вещей, да, э-э, виехал на дорогу, проехал пять миль только, и она сломалась, виручай, брат, да, э-э. А Гурген мне говорит...» Подробный пересказ разговора с Гургеном, сопровождающийся мно-

жественными ненавязчивыми напоминаниями дистанции, которую проехала «большая машина» до поломки, закончился сообщением, что мы поедem на одной машине, а вещи на другой — их повезет Гурген, который «э-э, сказал, ну ладно, для таких клиентов, и ти жэ мой братишка, да, я конэшно поеду, прямо сэйчас выезжаю, да, ти мэня жди, да, я скоро буду».

Разумеется, цена никак не изменилась (а изначально она была ниже цены такси) — армянские гордость и честность не подлежат сомнению.

«А как у вас с масками?» — поинтересовался я. «Да никто их нэ носит, э-э. Эрунда все это», — сказал Армен, делая широкий жест рукой в сторону потока людей в масках, проходящего мимо. Поистине каждый живет в своем мире.

Довезя нас до дома, Армен с Гургеном активно помогали разгрузиться и давали советы по тому, как жить в Лондоне; потом они еще час стояли напротив нашего дома и неспешно беседовали — видно встретились брат с братом, надо поговорить.

В Лондоне я впервые с самого момента приземления почувствовал, что такое диаспора. Здесь все мы — выходцы из СССР и даже стран Варшавского договора — не только кажемся соплеменниками, но и являемся ими: по языку (здесь поляка понимаешь как русского, потому что между нами ментально фут, а до англичан — милья); по манерам; по стремлению держаться вместе. Армяне, таким образом, тоже «наши». Здесь, сходя по трапу, ты попадаешь в нежные руки «своих»: русскоговорящие агенты ищут тебе жилье, русскоговорящие советники помогают с регистрацией, юристы — с налогами, рекрутеры — с работой, посредники — со школами и детскими садами, а просто хорошие люди — с бытом. О диа-

споре будет отдельная глава, в том числе о том, как важно из нее вырваться.

Моя жизнь почему-то крепко связана с Арменией (бог знает почему) — мою фамилию вечно принимают за армянскую, я всю жизнь работал (и сейчас работаю) с армянскими коллегами. Вот и перевозку наших вещей из Москвы в Лондон (в лучших еврейских традициях мы повезли даже пианино) организовал менеджер по имени Рубен — и это было, наверное, самым моим негативным опытом из всех историй с армянским акцентом. Но это уже другая глава: «Качественная доставка, Или что и как можно вывезти из России».

Глава 4

Вывезти из России

Переезд, как известно, «равен двум пожарам». В другую страну — тем более. Переезд еврейский, семейный, людей немолодых и обросших вещами, да еще из России, — это как минимум три пожара.

Первый пожар начинается задолго до даты отъезда. Решение вопроса «что брать» наталкивается на вопрос «а что вообще есть?» Вот, например, в этом шкафу, в который никто не заглядывал уже пару лет? Лучше бы и не заглядывать, иначе каждый найдет под паутиной и слоями полиэтилена пару крайне нужных в Англии крупногабаритных вещей. Но не заглядывать нельзя, надо быть эффективным, уезжая за рубеж надо освободить квартиру под ремонт, который начнется в день отъезда. В том, что надо делать ремонт, тебя убеждает внутренний голос: «Зачем нам ремонт?» — «Так давно не делали, пусть будет красиво!» — «А зачем вообще эта

квартира, если мы уезжаем?» — «Так все равно не продашь сейчас!» — «Так а при чем тут ремонт?» — «Так говорю же, чтобы красиво было!» Внутренний голос побеждает всегда (особенно если он — женский), так что ремонт будет.

Разбор вещей идет как разбор завалов после землетрясения (с той только разницей что при разборе завалов они уменьшаются, а при разборе вещей — увеличиваются). В доме — эпоха чудных географических (о, оказывается здесь столько места!), этнографических (чи это ролики в количестве восьми пар и все нам не по размеру — здесь жили гномы?), психологических (мы правда должны везти с собой две тысячи бумажных книг в эпоху планшетов? — а это создает эффект защищенности...) открытий. В результате у тебя набирается девять кубов мебели и коробок. Пианино с одной стороны, полутораметровый мягкий тюлень — с другой, сын сидит на первом и держит второго в руках, заявляя что НЕ БУДЕТ играть на пианино если ЕГО ТЮЛЕНЯ не возьмут в Лондон; пять коробок с одеждой, в Москве остаются только полушубки и валенки, и то — после жаркой дискуссии относительно лондонской погоды; кстати — а дрель и плоскогубцы? Где дрель и плоскогубцы, они совершенно необходимы в Лондоне (!!!), куда убрала??? О черт, опять все перегружать! А может и не нужна дрель в Лондоне?

Второй пожар — пожар государственный. Россия — страна рачительная, заботящаяся о трудоустройстве максимального количества людей с минимальными способностями к работе. Вывоз из России стоит бумажной работы, которая требует специалиста по этой работе — брокера. Его работа стоит денег, пропорциональных затратам энергии и нервов. Если на въезде в Британию таможенная очистка через брокера нужна

чтобы самим не мотаться и стоит 70 фунтов (заняла она 15 минут, об этом ниже), то вывоз из России обошелся в 500 евро и неделю на таможенном складе.

Но есть еще вещи — ВЕЩИ. Из России нельзя просто так вывозить «предметы культуры и искусства» старше 50 лет. 49 — легко. 51 — просто так нельзя. Это видимо как-то связано с климаксом, но я не врач. Если картине с вашей стены (допустим, это — Миро 1971 года) 49 лет, то вы просто (ПРОСТО) находите эксперта Минкультуры и платите ему что-то около 20 долларов. Эксперт пишет бумажку, что вашему Миро 49 лет, и он не представляет культурной ценности (прости нас, Жоан Миро!). Все, картина поехала за границу. Но если вдруг у вас картина известного в кругу вашей семьи троюродного дедушки, на которой он по недоразумению в углу написал «1969» — это конец. Бумажка эксперта (слова те же) отправляется в Минкультуры. Сотрудники Минкультуры будут: (1) решать про культурную ценность в особом порядке; (2) определять стоимость; (3) начислять пошлину на вывоз. Делают они это не торопясь — эдак месяца два. В хорошем раскладе вы получите разрешение, заплатив государству приличную сумму («Зверев? Отлично, пять тысяч долларов оценка». — «Помилуйте, это карандашный набросок, ему цена 100 долларов!» — «Молодой человек, вы не слышали? Это Зверев? Зверев. Вот видите у нас в каталоге, Зверев, картина, 5000 долларов». — «Позвольте, но то же картина маслом, размер другой, год...» — «Ничего не знаем, Зверев есть Зверев»). Но это потому, что Звереву (или вашему троюродному дедушке) менее 100 лет.

Все, что старше 100 лет (включая прабабушку Рабиновича) из России вывозить нельзя. НЕЛЬЗЯ!!! Чугунный утюг, поломанный стул, семейную икону, кирпич

из стены. Нельзя. Почему — спросите вы? Нет, конечно, вы такого не спросите: тот, кто в России спрашивает «почему», быстро сходит с ума.

Просто обратите внимание на логику: вы владеете объектом. Вы можете его уничтожить — это ваше право. Можете топтать ногами, плевать в него, сделать его подставкой для сапог или оберткой для презервативов. Вы можете никому его не показывать никогда ни за что — на здоровье. Но забрать с собой? Ни в коем случае!

Я не сомневаюсь в том, что среди моих читателей найдется немало тех, кто в праведном гневе воскликнет: «Да если ж разрешить, то всю нашу историю, всю нашу культуру, все, чем держится наш полный гордого доверия покой немедленно вывезут за рубеж проклятые спекулянты!» Логика эта представляется мне не столько даже неправильной, сколько невероятно грустной. Вот стоит перед нами мир. И нигде нет такого странного правила про 100 лет в обед. И не пропадает ни культура, ни история, ни покой — а наоборот, умножается. А в России — есть правило, но с культурой проблемы, историю переписывают три раза в день, а покой и не снился. Да что говорить, если вы искренне уверены, что норма эта правильная, просто вспомните — 30 лет назад из страны нельзя было выехать за границу и людям, и тоже многие считали, что это обоснованно. Собака на сене — это даже более верный символ нашего менталитета, чем всадник, убивающий ни в чем неповинного дракона. Так не доставайся же ты никому; чувство собственности у нас вырождено в чувство владения — с распоряжением и использованием все куда хуже.

Может быть, это плохо для предателей типа меня, а для честных граждан — хотя бы никак? Не тут-то было. От этого запрета страдают отечественные рынки

искусства и антиквариата: вместо свободного потока ценностей — вялый внутренний рынок, заведомо заниженные цены на наше искусство и дополнительный экспорт капитала: коллекционеры предпочитают собирать экспонаты в своих зарубежных домах. Понятно, что Россия — нетто-экспортер денег, значит, легко могла бы стать нетто-импортером ценностей, но не становится: кто же повезет в страну что-то, что потом нельзя свободно вывезти и продать (Вексельберг с яйцами — исключение, остальные берегут яйца и держат их преимущественно в Европе). Сильно страдают и музеи: мало того, что они не могут свободно продавать и приобретать (как во всем мире) части своих коллекций, тем самым их улучшая; они переполнены экспонатами, которые не могут реализовать и не могут ни экспонировать ни даже нормально хранить. В итоге ценные предметы культуры гибнут (гибнуть ценностям в России не запрещается).

Вишенка на торте. Из России нельзя просто так вывозить музыкальные инструменты. Это загадка — почему можно вывозить мебель, но не баян? Может быть, есть риск того, что в баян нальют нефти? Я не вижу смысла в запрете вывоза даже скрипки Страдивари, тем более что Страдивари русским не был, и эта скрипка — часть культуры другой страны. Но уж баян работы братьев Балалайкиных?

Купили мы десять лет назад новое пианино, причем ввезли его из-за границы. Обращаю внимание — купили мы сами, не на общественные деньги; поставили лично у себя дома, никому не показываем. Сын играет, долбит по клавишам, медленно убивает инструмент. Если я, например, приду домой пьяный и, ругая Путина, порублю пианино топором вдребезги

пополам, то остатки его (после того, как сын понадергает молоточков для ему одному ведомой игры) будут выброшены на свалку и сгинут бесследно. Но если я хочу вывезти это пианино за границу — эге-гей, предъявите бумагу, что это не культурная ценность! Где взять бумагу? В министерстве. А можно просто на сайте Минкульта опубликовать список марок и лет производства, которые являются — культурной ценностью, а остальные выпускать? Нет, что вы! Это было бы удобно, а мы так не играем. Делать будем так: (1) Подаем заявку в Минкульт. (2) Минкульт присылает эксперта. (3) Эксперту нужен ваш паспорт и заявка — три цветные копии (как будто от номера паспорта культурная ценность пианино меняется). (4) Эксперт заключает с вами договор. Два экземпляра по три страницы. (5) Эксперт фотографирует пианино с двух ракурсов, осматривает и подробно описывает его состояние (две страницы текста). Эксперт берет 16 000 рублей. (6) Эксперт берет две недели на оформление заключения о разрешении на вывоз.

Проклиная Минкульт, я договорился с экспертом и в назначенное время встретил ее у подъезда: «Я в этих новых домах ничего не понимаю, я вашу дверь не найду».

Эксперт появилась из небесно-голубого авто («Сын привез, вы знаете, меня сын везде возит, он обо мне очень заботится, но автомобиль мой, цвет я выбирала, это, знаете ли, как чистое небо, я очень люблю чистоту и высь, это как у Тютчева...»)

Когда-то она была perfect, потом стала past perfect, в этом не может быть никаких сомнений. Эксперт осталась прекрасна в своем черном платье и шляпке, под которой вуаль отсутствовала, но угадывалась в ментальном поле гегелевского мира идей. Она явно нарушила правила грамматики и из past perfect перемести-

лась к моменту встречи со мной навсегда во future in the past, но не в present continuous, как мы все. Ее могла бы играть великая актриса прошлого, но и великая актриса не сыграла бы ее так хорошо, как играла себя она сама. Я очень быстро узнал о ней все или почти все. «Я никогда не снимаю туфли — полы для меня слишком холодны, юноша, вам этого не понять». — «Лестница? Боже, у меня больные ноги! Зачем люди строят лестницы в квартирах, скажите мне, юноша? Чего им не хватает на одном этаже?» — «У вас нет кошки? У меня страшная аллергия на кошек, мой дорогой! Я люблю кошек, я люблю всех, но Господь видимо против». — «Кофе? Вы хотите меня соблазнить? Мой доктор говорит, что кофе меня убьет, но когда я могла устоять перед хорошим кофе?»

Она села за наше пианино так, как садятся за рояль на сцене «Метрополитен», и заиграла Рахманинова. Потом Баха.

Неожиданно ее черты исказились гневом, она вскочила, заламывая руки и блеснув глазами (густые сиреневые тени взлетели и вспыхнули ночным фейерверком): «Кто?! Кто играл на этом инструменте???» От неожиданности я так испугался, что сразу выдал правду: «Сын...» — заикаясь, пролепетал я, мучительно осознавая с опозданием на секунду, что Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой сейчас презрительно кривятся ижимают плечами в своем подпольном раю на небесах — для них я умер как человек и разведчик, без пытки сдав врагу товарища.

«Боже, что он сделал с инструментом???» — воскликнула моя фея-крестная в мўке.

«Ч-что?» — поинтересовался я заискивающе. «Вы не слышите???» — «Н-нет... Я вообще глухой», — зачем-то сказал я; имея в виду «у меня нет слуха», но так было короче, а я не понимал дозволено ли мне отвечать длин-

но. «Вы не слышите... У четвертой октавы стеклянный звук!!! — мрачно и торжественно произнесла она. — Что он творил с пианино?»

По мне, у любого пианино стеклянный звук, и стеклянный звук ничем не хуже любого другого, но сказать это было бы равносильно нанесению ей личного оскорбления и страшной раны, поэтому я ответил что-то вроде «ой-вей» и скорбно покачал головой. «Мне придется это записать!» — сказала она тоном директрисы женской гимназии, записывающей в дневник старшеклассницы: «Бросала нескромные взгляды в сторону господ офицеров на приеме у губернатора».

Она закончила опись инструмента, выпила кофе и рассказала про музыкальное орудие («Конечно. «Хоффман». «Бехштейн». Они только пишут «Бехштейн», но что в них осталось от «Бехштейна»? Что осталось, я спрашиваю? Ничего! Нет, я не возражаю, я даже скажу вам, юноша, что они делают приличные пианино, вполне приличные для господ, желающих чтобы их отпрыски барабанили по клавишам»). Пожелала нам удачи («Так куда вы отбываете? В Англию? А я почему-то думала в Париж; вы знаете, ваша жена — эта девочка на фото, это же ваша жена, я угадала? Да, я всегда, знаете, угадываю супругов по лицам, так вот, ваша жена очень подходит Парижу, вы мне поверьте! Ну в Лондон так в Лондон, в добрый путь»). А я подумал — хорошо, что мы решили везти пианино. И хорошо, что есть Россия, а в России есть Министерство культуры. Потому что, если бы не было России и Минкультуры, — разве могли бы мы встретить друг друга?

Был, был еще и третий пожар, но был он настолько приземленным, что включать его в одну главу с феей роялей я не в состоянии.

Глава 5

Качественная доставка

Обещав вести английский дневник, я пишу очередную главу — о России. Но дорога начинается с подготовки, и даже в космическом приключении наблюдателю интереснее всего старт — с томительным ожиданием, проверками, напутствиями и прощальными взмахами рук. Полет — это то самое время, когда многотонный груз ракеты еще принадлежит Земле, но уже безвозвратно нацелен во вне. Короткий миг, когда выявляются все проблемы и недоделки, которые уже не исправить, а из всех слов великого русского языка звучат только мат и числительные в обратном порядке. Старт — это начало полета в космос, но проходит он по законам Земли.

Еще глава — и дальнейшее будет уже про Англию.

Для собранных вещей нам надо было найти лучшую ракету-носитель, которая доставит все лежащее между

тюленем и пианино в Лондон — быстро, дешево и в целости. Маск был занят, Space Falcon не готов, и пришлось искать компании в Москве. На мое удивление TNT (компания экспресс-доставки) объявила, что работает только с юристами, а целая цепочка других компаний вступала в диалог примерно такого содержания:

«Вы можете доставить личные вещи из Москвы в Лондон?»

«Можем».

«Сколько это стоит?»

«Надо будет посчитать».

«А когда вы сможете посчитать?»

«А когда заберем вещи и отправим».

«А сколько займет перевоз?»

«Узнаем позже».

«А когда?»

«А когда перевезем».

«А что нам надо сделать, чтобы вы перевезли».

«А разберемся в процессе».

«А если вы не сможете перевезти?»

«А мы тогда вам все вернем, вы сможете забрать вещи со склада».

Считайте меня параноиком, но я не решился отправить вещи с такими удобными и гибкими перевозчиками. На третью неделю поисков и сравнений, в которых участвовали мы с женой, ее секретарь и наша дочь, мы решили остановиться на компании «Качественная доставка». Во-первых, потому что она — качественная, так ведь сказано в названии. Во-вторых, потому что с нами беседовал милый и разумный менеджер Рубен, который легко отвечал на все наши вопросы:

«Вы можете доставить личные вещи из Москвы в Лондон?»

«Можем».

«Сколько это стоит?»

«А что у вас за вещи? Мебель, пианино, тюлень, коробки, так... ага, вот столько будет стоить, ну, плюс-минус немножко, мы вам скажем точно, как упакуем».

«А сколько времени займет перевоз?»

«Ну недели две-три, туда-сюда, это же российская таможня, там можно простоять долго, они иногда распаковывают, а дальше быстро».

«А что нам надо сделать, чтобы вы перевезли».

«А заполните заявку на сайте, назначим день упаковки и по факту подпишем договор».

«А если вы не сможете перевезти?»

«А у нас такого не бывает, мы очень много возим, все всегда хорошо».

Надо сказать, забегая вперед, что катастрофы не случилось — опытный читатель, предвкушающий начало триллера под названием «Где мой багаж?!» будет разочарован. Случилось нечто большее — мы столкнулись с «восточным бизнесом». А это не столько проблемно, сколько забавно.

Все началось еще до упаковки и погрузки с выяснения вопроса: «Как проходить таможню». «Надо сделать специальную опись вещей для российской таможни, иначе вещи не выпустят. Это стоит всего 70 евро». Опыт жизни в России убедил меня, что опись действительно должна быть очень специальной — уговаривать не пришлось. «И надо будет заплатить пошлину — 21% от стоимости вещей». А вот это было неприятно: во-первых, это хорошие деньги, во-вторых, мне уже надоело постоянно убеждаться в коварстве российского государства и не хотелось верить, что за мои собственные вещи при вывозе я должен платить. Скорее второе, чем первое

побудило меня пойти в Интернет, чтобы в течение пяти минут убедиться, что родное российское правительство разрешает мне вывозить личные вещи (кроме культурных ценностей) совершенно бесплатно в любом объеме. Я позвонил Рубену.

«Почему мы должны платить пошлину? В Интернете написано, что пошлины нет!»

«Э-э, не может быть. Пошлина есть».

«Ну, вот я вам послал ссылку — читайте».

«А-а — ну да, это вы прислали ссылку про российскую таможенную, там действительно нет. Это пошлина польской таможен».

«???!!!!?? Но мы возем вещи в Англию!»

«Но машина идет через Польшу, а там, на границе, брокер, они берут 21%».

Что-то мне сразу не понравилось в этой новости. «Ну хорошо, а если машина пойдет через Турцию, Иран, Сирию, Египет, Тунис, Ливию, Марокко, Гибралтар, Испанию — все эти страны возьмут по пошлине? Может быть морем отправить?»

«У нас машины не плавают. Мы отправляем через Польшу, они берут пошлину».

Я жил в «восточном бизнесе» достаточно и знаю, как он делается. Когда-то лет пятнадцать назад мы с дочкой поехали отдохнуть и отмокнуть в Турцию. На второй день пребывания в Golden Luxury Superior Paradise Almighty Palace-Sarai Kemer нас спросили: «Не желает ли белый господин отвезти свою девушку (Соне было лет четырнадцать, но белые господа имеют причуды) в лучший магазин золотых украшений во всей Азии?» Белый господин желал — делать было нечего, а поездка обещала развлечение, тем более что мерседес с шофером был бесплатным, в случае если мы хоть что-то ку-

пим. «А где лучший в мире магазин золота?» — спросил я у предлагавшего поездку пузатого турка с длинными усами. «Никто не знает, может быть, именно он — лучший в мире», — важно ответил турок. Мы решили ему поверить.

Лучший в мире (или только в Азии?) магазин золота оказался большим ангаром, стоящим посреди других похожих ангаров. Там, кажется, были лучшие в мире магазины ковров, мебели, шуб, изделий из кожи, местных сувениров, рахат-лукума и оливкового масла, возможно, в дальних концах пыльного поля, усаженного редкими пальмами, располагались даже лучшие в мире магазины рабов и опиума. К ангарам с четырех сторон были приделаны портики, не уступавшие размерами и пафосом портикам Парфенона, если бы только портики Парфенона были покрыты золотой пленкой. Внутри лучшего в мире магазина золота располагалось что-то вроде крытого рынка изделий из золота, серебра, камней вперемешку с антиквариатом и даже какими-то снеками и сувенирами.

Мы выбрали один из загончиков, зашли и решили что-нибудь купить. Подобрали дочке сережки, колечко, сережки ее сестрам (справедливость!) и, конечно, сережки и кольцо Ольге (больше и красивее, благо там действительно были неплохое золото и работа). Много улыбавшийся, успевший напоить нас чаем с кофе, накормить на неделю вперед пахлавой и рахат-лукумом (а так же попытавшийся продать нам пяток экскурсий, недвижимостью в Кемере, поход в пару ресторанов и, (пока Соня отошла в туалет) мне эксклюзивно лучший гашиш и поход в стрип-шоу, молодой человек в жилетке и феске не отвечал на вопрос о цене украшений с видом «разве такие мелочи могут беспокоить такого важного белого господина?» Только когда мы все выбрали, я бо-

лее решительно задал вопрос о цене. «У вас такая красивая девушка — дай Аллах вам всяческого здоровья! Вы, наверное, очень важный человек!» — почему-то невпопад ответил юноша и широко улыбнулся. «Да, я очень важный человек! — сказал я. — И теперь важный человек желает знать цену выбранным украшениям».

«Для вас будет специальная, очень специальная цена! — радостно воскликнул продавец, неожиданно бросаясь пожимать мне руку. — *Very special price!* Но обещайте, что в Москве, где вы очень важный человек, вы расскажете, что у нас лучшее в мире золото и очень низкие цены!»

«Я обязательно расскажу всем в Москве, включая самого великого султана Путина, что у вас лучшее золото в мире! — пообещал я, энергично тряся руку продавца. — Но я хочу знать его цену».

«Может быть, вы хотите еще чая и турецкий кофе?» — спросил продавец, продолжая тряссти мою руку.

«Я хочу цену», — сказал я, останавливая движение наших соединенных рук.

Лицо продавца стало торжественным, он выпрямился и щелкнул каблуками. «Я должен поговорить с хозяином, чтобы дать вам очень специальную цену. Может быть, вы желаете воды, сладостей или (он понизил голос) — рюмку раки?»

«Я желаю, чтобы вы поговорили с хозяином», — произнес я голосом заклинателя змей. Молодой человек кивнул и удалился за ковровую перегородку с подносом с нашими украшениями. Через пять минут он вышел обратно очень грустный, плечи опущены, взгляд понурый. «Я не знаю, простит ли меня важный господин, но у нас очень большая проблема. Кольцо, которое вы выбрали, уже отобрал шейх Бахрейна для люби-

мой жены. Я не знал об этом и прошу меня простить. Он еще не оплатил кольцо, и мы могли бы вам его продать, но нам пришлось бы срочно заказывать такое же кольцо для шейха, а срочное изготовление и доставка стоят больших денег, целых 10 000 долларов. Без этого цена ваших вещей была бы X , но если вы все же хотите это кольцо, то $X + 10\,000$ ».

Сумма X была сама по себе немного безумной. Я встал и сказал: «Ну ладно, тогда мы уходим». Дочь, которая уже свыклась с новыми серьгами, широко раскрыла свои и без того огромные глаза и показала две небольших слезинки, но не проронила ни звука. Мы сделали несколько шагов к выходу, когда юный продавец вдруг догнал нас и, встав между нами и дверью, сложил руки лодочкой и возгласил: «Подождите! Сюда идет хозяин! Он хочет что-то вам сказать!»

Но хозяин хотел поговорить не с нами. Крупный турок в широких штанах и рубашке в полоску, с четками в руке навис над нашим продавцом и стал кричать почему-то по-английски: «Ты позоришь нас! Как ты мог предложить этому господину уже забронированную вещь?! Что скажет он в Москве своим влиятельным друзьям о нас? Что мне теперь делать? Теперь я должен продать этому господину эту вещь с большим убытком для нас, чтобы сохранить наше доброе имя!» Повернувшись ко мне, хозяин расплылся в улыбке и, положив свою широкую волосатую руку мне на плечо, мягко произнес (по-английски, но я помню, что удивился, что не по-русски): «Мой друг! Мое хорошее имя стоит дороже денег! Забирай украшения за $X + 5000$! Возможно, моя жена меня не пустит домой сегодня, но я возьму на себя 5000 убытка!»

«Мой друг, — сказал я ему, — мне жаль твою жену. Поэтому я не буду покупать эти украшения».

Я сделал еще шаг к выходу.

Мы переговорили в дверях: о семье хозяина, его честном имени, его уважении ко мне, к русским и к Путину. Мы переговорили в коридоре: о международном положении, ценах на нефть, нелюбви к шейхам. Нам предложили еще кофе и гору рахат-лукума, хозяин пошел звонить шейху. Шейх оказался любезен и согласился долго ждать кольца. Я же не оказался любезен и не был готов платить за украшения сумму X. Мы ушли снова; хозяин снова догнал нас в коридоре; мы снова ушли еще на пять шагов. В конечном итоге мы вышли из ангара с портком, унося с собой купленные драгоценности и оставив хозяину одну четвертую от запрошенной суммы X.

Моя дочь так и не закрыла свои огромные глаза в процессе всего диалога, а когда мы ударили по рукам на сумме в четыре раза и на 10 000 долларов меньше запрошенной, у нее как открылся рот, так и не закрывался всю обратную дорогу. Вечером у меня был долгий разговор с моей доброй и справедливой дочкой. Я объяснял ей, что ее папа не злой волшебник, раздевший до нитки бедных продавцов золота путем гипноза, а просто разумный человек, знающий, что на востоке всегда спрашивают цену в четыре раза больше, чем хотят получить, а штучки типа «уже продано шейху» или «это семейная реликвия» постоянно в обиходе.

«Меня не устраивает такой вариант, — сказал я. — Наверняка можно обойтись без польской пошлины!»

Вариант (сюрприз!) нашелся в течение нескольких часов. «Есть альтернатива: мы можем отправить ваш груз в отдельной машине, опломбированной, до Англии — тогда пошлину поляки не возьмут; но возьмут англичане, у них 5%. И отдельная машина будет стоить (называется цифра больше, чем раньше, на пример-

но ту же сумму). И у нас нет своего брокера в Англии, я могу вам только дать координаты местных брокеров».

Нет, такой хоккей нам не нужен. «Простите, но вы называли мне цену доставки груза из Москвы в Лондон. В ней не было таможенных пошлин, и я не просил вас везти груз через польскую границу. Давайте придумаем что-то, что сохранит цену».

Как я и ожидал, Рубен оказался изобретательным молодым человеком. На изобретение у него ушло еще около суток. «Мы можем отвезти ваш груз в небольшой машине. Тогда она доедет до Англии без польской таможни за те же деньги, что мы обсуждали. Только надо заплатить пошлину 5% за растаможку в Англии».

Игра в деньги — моя стихия. Контрольный вопрос: «Спасибо! А 5% мы платим кому?» «Вы не беспокойтесь, переведете нам, а мы заплатим брокеру». Ну, все понятно, не так ли? Лезу в Интернет. 15 минут — ответ: Британская корона не облагает пошлиной ввоз личных вещей при переезде на постоянное место жительства.

«Рубен, Англия не берет пошлины за ввоз, достаточно подать заявление, что переезжаешь к ним, и они присылают подтверждение для таможни!» (Надо сказать, что госорганы в Великобритании работают в этом смысле идеально, но об этом в следующих главах.) «Да? Надо же как здорово! Ну тогда, значит, вам не надо платить! Пришлите мне подтверждение».

Отбив попытку взять с нас пошлины, мы перешли к упаковке и загрузке. Надо было забрать кое-что из офиса и дома; договорились, что транспорт едет с утра в офис, а потом к нам домой. Машина опоздала в офис на час с лишним, но это же Москва, здесь иначе никак. Примерно сразу после ее приезда Рубен любезно стал звонить мне: «Э-э, вы знаете, тут долгий процесс

упаковки, и нам кажется, упаковки не хватит на ваши домашние вещи, придется ездить. Давайте мы сегодня офис, а завтра дом»? Я достал из кармана свой опыт восточного бизнеса: «А это влияет на цену?» — «Да, конечно, это два дня погрузки вместо одного, вы же понимаете...» — «Нет, извините, Рубен, я не понимаю. Давайте успеем все сегодня». О великий восточный бизнес — компания успела все погрузить за один день! Надо сказать, что команда приехала опытная, веселая и уверенная в себе. Нам было сказано: «Не бойсь, у нас все доезжает целым!»

Целым доехало почти все — об этом чуть впереди.

Вещи упаковывались так, будто главной целью упаковщиков было сделать их неузнаваемыми и не доставаемыми никогда и ни за что. Упаковочный материал расходовался так, будто у него, как у евро, отрицательная стоимость. Объем вещей рос в разы (для безопасности и сохранности? Я не Киселев, я скажу «возможно»).

На следующий день Рубен через помощницу прислал мне договор с проставленной стоимостью перевозки. Я читаю договора, есть дурная привычка.

«Рубен, простите, в договоре какая-то ошибка: вы проставили цену в десять раз больше, чем мы с вами договаривались!»

«Ну да, но у вас же оказалось значительно больше вещей, чем мы думали! Вы же сказали, что у вас пианино, мебель и личные вещи, а оказалось, что у вас девять кубов!»

«Так, hold on! Пианино — это полтора куба как минимум. Мебель вы вряд ли ожидали меньше еще двух-трех кубов по объему. Плюс, скажем, еще куб личных вещей — это 5—5,5 кубов. Допустим, что вы действительно запаковали девять (так вот зачем столько упа-

ковки!). Машина та же, разгрузка не ваша, но даже если вы пошлете две машины, то это в два раза больше, но не в десять же!»

«Это не я считаю (о, это наш, русский, прием — я только выполняю приказ, поэтому ничего поделать нельзя)».

«А я могу поговорить с теми, кто считает?»

«Давайте я с ними поговорю, мы попробуем что-нибудь придумать».

Вы помните, что Рубен оказался очень изобретательным? Это был уже не первый раз, когда он вызывался придумать, как мне помочь справиться с созданной им самим проблемой.

И снова у него ушли сутки. «Есть вариант: мы грузим ваши вещи в машину разрешенной грузоподъемности меньше, чем весят ваши вещи. Но у нас машины усиленные, вы не волнуйтесь. А в декларации мы напишем меньше вес. И цена будет сильно ниже». Цена, на удивление, действительно оказалась всего в два раза выше изначально заявленной, но тут уж меня за язык не тянули, пришлось соглашаться.

Ах да, вместе с договором мне принесли опись за 70 евро. Опись оказалась таблицей «номер; наименование; количество»; в графе «наименование» чаще всего встречалось словосочетание «личные вещи», количество везде было «1». Тоже мне «граница на замке». В этот момент все мои представления об ужасной российской таможене рассыпались в прах. Я понял, почему такая опись стоит целых 70 евро — компания берет их за смелость представить на таможене филькину грамоту и позволить мне в реальности положить в вещи вообще что угодно. Разрывал шаблон только один факт: во время погрузки грузчики аккуратно вытащили мой финский нож с резиновой рукояткой, который я всег-

да вожу на сноркелинг в чемодане без всякой опаски, со словами: «Это могут не пропустить».

И все же некоторые вопросы требовали дискуссии (я же параноик!)

«Рубен, а откуда у меня взялся wheelchair?»

«Я не знаю, мы описали все как есть. Офисное кресло на колесиках же есть? Ну вот!»

«Понятно. А почему вместо “чехол со спиннингами, 5 шт.” у вас написано “спиннинг 1 шт.”?»

«А вы как хотите, чтобы мы написали? Давайте так и напишем».

«Отлично. А вот вы паковали картины по три штуки, а в описи везде “картина 1 шт.” — это тоже пройдет?»

«Ну хотите, и это исправим».

«А как вообще по этой описи понять, что у вас на складе половина вещей из рубрики “личные вещи” не пропадет?»

«А у нас так никогда не бывает — вы что, нам не доверяете?»

Забегая вперед, мы по факту знаем, что вещей доехало много. Приехало даже на одну картину больше, чем я думал: забыл вписать даже себе в список (не то, что опись) и никто не обратил внимания. Часть вещей не приехала, но утверждать наверняка, что они не остались дома, я не могу. Пусть это считается моей безалаберностью.

Вещи в Лондоне надо было разгружать, и Рубен любезно посоветовал грузчиков. Надо сказать, что совет его был удачен технически, парни — поляки — оказались быстрыми, умелыми, высокими красавцами, прямо такими, какими бывают грузчики в порнофильмах.

Я очень опасался, что наше пианино не удастся занести на второй этаж — слишком тяжелое. Занести его действительно не удалось, но не по этой причине: вчетвером грузчики подняли его как перышко. Подвела лестница — слишком узкая (о лестницах Лондона я напишу отдельно, как и вообще о кошмаре местной недвижимости); в итоге пианино стоит на первом этаже.

Но с ценой повторилась стандартная история: названная Рубеном сумма была заоблачной. «Это много», — сказал я. «А сколько вы хотите?» — спросил Рубен. Я назвал 40% от запрошенной цены. На том и согласились.

В день прибытия в Англию (здесь все быстро, таможня проходится за 70 фунтов и пятнадцать минут, от Дувра до Лондона два часа) мне неожиданно позвонил Рубен. «У нас проблема: машина стоит на таможне и не может ее пройти».

«Почему?!»

«У водителя нет 70 фунтов, чтобы заплатить сбор».

«Как нет, вы же взяли их с меня в общем счете?»

«Да, но он говорит, что у него нет 70 фунтов. Если хотите мы можем вернуть машину обратно».

«Не хочу. Дайте телефон брокера».

С брокером в Дувре я договорился за пять минут — просто перевел им 70 фунтов с карточки, и они расплатились с таможней. Через три часа машина была у дома, через четыре — уехала пустая. Вещи заполнили гараж. Уже в ночи я собрал свой письменный стол, распаковал свой огромный монитор (я работаю на двух экранах), затащил в свой кабинет, установил, соединил, уселся в радостном предвкушении окончания одиссеи... Матрица монитора была безнадежно разбита — так бы-

вает, если его уронить на кафель с двух метров. Справедливости ради, других убытков оказалось немного — пара чашек, не больше.

Утром мне позвонил Рубен: «Тут такое дело — из-за того, что вчера водитель не мог пройти таможенню, у меня два менеджера весь день разговаривали с брокером в Дувре. Это дополнительная работа, мы выставим вам счет еще на 250 евро». Увы, я был не в том настроении: «Рубен, мне плевать с кем и сколько разговаривали ваши менеджеры. Это была ваша проблема, а я решил ее за пять минут. Кроме того, вы разбили мне монитор за 1300 фунтов, так что это вы должны мне 1300 + 70 фунтов».

Рубен озадачился: «Чтобы признать, что мы разбили монитор, мы должны увидеть фото нераспечатанного монитора в коробке».

«Как бы я узнал, что он разбит, если бы его не распечатал?»

В общем, Рубен обещал поговорить с начальством. Много дней прошло с тех пор, но Рубен не возвращался ко мне с ответами. Правда и на оплате 250 евро тоже больше не настаивал.

А я попрощался таким образом с восточным бизнесом — разумеется на время, ведь он встречается (о, глобализация!) не только на Востоке. А заодно на этом заканчивается русская часть дневника. Следующая глава будет уже о Лондоне. Поговорим о том, что первым встречает нового жителя — о взаимодействии с «системой».

Глава 6

Система

Попадая в новую среду, человек сталкивается с большим количеством самых разных ее элементов. Ландшафты, климат, аборигены, эпидемиологическая обстановка, еда, жилище — далеко не полный список. Поверх всего этого (если, конечно, новая среда — это не Луна, а вы не Рогозин), первое и главное, что встречает тебя и влечет дальше, либо — не пускает, это СИСТЕМА.

Система состоит из смеси местной бюрократии (то есть закрепленных законом магических ритуалов, в результате исполнения которых ты получаешь право считаться полноценным членом племени или хотя бы его гостем) и местных традиций (то есть того же самого, но не закрепленного законодательно). Хочешь быть частью местной фауны — должен принять систему и научиться в ней жить.

Английская (лондонская) система коренным образом отличается от российской (московской), не столько по форме, сколько по сути. Знакомство с системой начинается с общения с грозными госорганами, отвечающими за решение: впустить тебя и разрешить остаться или нет. Госорганы в Британии отличаются (с точки зрения общения с членами племени и кандидатами в члены) несколькими крайне важными чертами.

Во-первых, они безлики и переведены в онлайн (тут есть исключения, но о них потом). Нет «Ивана Ивановича», к которому надо попасть на прием, и он все решит*. Есть сайт в Интернете (а все чаще — приложение в Google Play или App Store), иди туда и будет тебе счастье. В онлайн уехали даже договорные отношения — здесь заключение договоров идет в DocuSign, что очень облегчает природа английского права — суд здесь не будет сверять подписи на договоре, он будет решать заключал ли ты договор по косвенным признакам: например, писал ли ты в мейле, что готов его заключить? Исполнял ли ты его условия сам? Принимал ли ты исполнение его условий другой стороной без удивления и протеста?

Вот, например, процедура получения вида на жительство для гражданина ЕС: возьми телефон; зайти в приложение; напиши свои имя и фамилию; сфотографируй свой паспорт; сфотографируй себя на белом фоне с паспортом в руках; приложи билет, по которому ты въехал в страну; напиши свой адрес; напиши, что будешь хорошо себя вести; нажми кнопку GO. Все, че-

* Самое яркое свидетельство разницы между системами я услышал из уст русской эмигрантки. Крик души ее звучал так: «Насколько же в Англии недружественная система — здесь даже взятку некому дать!»

рез пару недель тебе пришлют письмо, что ты прописан в Британии и имеешь право жить в ней как член племени. Но и это письмо тебе не нужно — о его ненужности написан целый абзац, примерно в половину всего письма. Если ты хочешь подтвердить свой статус кому-нибудь, ты идешь в приложение; нажимаешь «запросить код подтверждения»; получаешь код; даешь код тому, кто должен тебя проверить; этот кто-то идет в приложение у себя; вводит код; получает ответ, что ты таки член племени. Код действует месяц, дальше его нужно заново заказывать.

Жизнь, конечно, проще. Я лишь однажды получал этот код (для таможни), а потом забил и везде показываю ту самую бумажку. Все радостно ее принимают, не смотря на запрет ее принимать, а если я предлагаю заказать код, отказываются — всем лень лезть к себе в приложение, бумажка сойдет.

Во-вторых, правила здесь невероятно подробны. Правила, законы, требования, порядки в Британии расписаны в мельчайших деталях, часто два-три раза разными словами (если ты с первого раза не понял, прочти вот так), с приведением примеров (на уровне «Джон живет с Мэри три года, два из которых его зубная щетка лежит у Мэри в ванной...»). Каждый текст снабжен ссылками на другие тексты, которые отвечают на вопросы, которые у тебя могли возникнуть, когда ты читал основной текст. Много места занимают рекомендации по тому, как читать тексты и как исполнять написанное в них. В заключение вас всегда призывают обращаться в онлайн-чат, по телефону, по почте, и еще пятью способами, чтобы получить дополнительные разъяснения: вы же, наверное, ничего не поняли?

Наконец они приятно неформальны. Я быстро научился ставить местных жителей в тупик вопросом: